

Маркес уже в пути

Слава Тарощина

Газета - 2005 - май - с. 32

Несколько лет назад в свою самую звездную пору Дмитрий Дибров, щедрый на витиеватые максимы, авторитетно изрек: «Мы живем в эпоху отделения определения от его эйдоса, то есть сущности». Шоумен-философ прав. Особенно когда речь идет о телевизионной реальности — здесь эйдос никак не соотносится с определением.

Создается ощущение, что новая программа канала «Россия» под названием «ПроСВЕТ» исключением не стала. Задумана она Дибровым в соавторстве с Гребенщиковым как ниша для интеллектуалов, перпендикуляр развлекательному ТВ (цитата из ДД), зона творческого эксперимента, неподвластная рейтингу. У отцов-основателей имеются и личные амбиции. Дибров с привычной скромностью заявляет: «Хотелось бы попробовать Бога». У Гребенщикова — иные задачи. Поскольку он телевизор терпеть не может, то не прочь хоть раз в неделю включать ящик и видеть то, чего нигде больше не показывают. Оригинальные таланты из разных сфер художественной деятельности — будь то кино, литература, музыка или живопись — «просветчики» намерены искать повсюду, для чего создана общественная редакция на Покровке. И если им удастся откопать хотя бы одного Маркеса, то свою миссию они сочтут выполненной.

Но пока Маркес еще в пути, Диброву, который уже на месте, никак не удается найти верную интонацию. ДД времен «Антропологии» был сплошной культурной цитатой, музыкой, игрой. Теперешний мэтр велеречив, декларативен и пребывает в утомительном намерении «щипать корпию в госпиталях новой эстетики». Похоже, он, обойдя с тыла

«антропологический» пик своей карьеры, вернулся к ампула гламурного, приятного во всех отношениях ведущего из последнего провального проекта «Я готов на все!». В «Антропологии» виртуозный интервьюер подкреплял ажурность мысли и дар импровизации основательной подготовкой. Сегодняшний Дибров полагается лишь на свою харизму, которая имеет обыкновение стираться, словно гривенник, от частого употребления.

Не всякий интеллектуал досидел до конца последней передачи, где ведущий голосом Колумба возвестил о своем открытии: живопись художников-передвижников сродни сериалу, поэтому родина кино не Франция, а Россия. Эту стройную патристическую конструкцию способен разбить простенький вопрос: а чем хуже маленькие голландцы, или Веласкес, или вообще любая сюжетная живопись? Но Диброва понесло. Он долго показывал полотна Перова и Федотова, охотно делился со зрителями сведениями, не выходящими за рамки очень средней школы, обозвал Государственный совет в известной картине Репина Государственной думой, на том и успокоился. Но ненадолго — его ждала «богиня и вечная любовь» Жанна Бичевская. Последняя с богомольным пылом рвалась исполнить песни на стихи иеромонаха Романа. Диалог Жанны и Димы стал подлинным венцом интеллектуального творенья. «Роман вроде бы умер», — посочувствовал ДД своей гостье. «Нет, — ответила Жанна. — Он ушел в затвор». — «Я слышал, — не унимался Дима, — что иеромонах ослеп?» — «Нет, — уточнила Жанна. — Он оглох и перестал говорить». Иногда молчание полезно не только иеромонахам.